

А.М. Ранчин

© Ранчин А.М., 2022

**ОТЧЕГО В ЛАМПОЧКЕ «УЖАС ПОЛА»?
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ
ИОСИФА БРОДСКОГО «Я ВСЕГДА ТВЕРДИЛ,
ЧТО СУДЬБА – ИГРА...»**

Аннотация. Предметом анализа в настоящей статье является стихотворение Иосифа Бродского «Я всегда твердил, что судьба – игра...», прежде всего его строки «Я твердил, что в лампочке ужас пола, / что любовь, как жизнь, лишена глагола». Показано, что лексема «пол» соединяет два омонимичных значения – «нижнее покрытие, настил в помещении, в доме» и «совокупность признаков, связанных с деторождением, различающих мужчин и женщин». Доказывается, что основным значением является второе. Оно непосредственно связано с характерной для поэзии Бродского метафизикой пола и с представлением о сексуальном акте, обезличивающем и не способном обеспечить психологический и духовный контакт.

Ключевые слова: И.А. Бродский; омонимия; метафизика; экзистенциальные мотивы; сексуальный код.

Получено: 20.02.2022

Принято к печати: 10.03.2022

Информация об авторе: *Ранчин* Андрей Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, 119991, Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

Для цитирования: *Ранчин А.М.* Отчего в лампочке «ужас пола»? К интерпретации стихотворения Иосифа Бродского «Я всегда твердил,

что судьба – игра...» // Литературоведческий журнал. 2022. № 2(56).
С. 78–88. DOI: 10.31249/litzhur/2022.56.05

Andrei M. Ranchin

© Ranchin A.M., 2022

**WHY IS THERE A HORROR OF THE FLOOR/SEX
IN THE LIGHT BULB? TO THE INTERPRETATION OF THE
POEM BY JOSEPH BRODSKY “I SAD FATE PLAYS A GAME
WITHOUT A SCORE...”**

Abstract. The subject of analysis in this article is the poem by Joseph Brodsky “I said fate plays a game without a score...”, first of all, his lines “I kept saying that in a light bulb the horror of floor [or: of sex], / that love, like life, is devoid of a verb”. It is shown that the lexeme “pol” connects two homonymous meanings – “lower covering, flooring in a room, in a house” and “a set of features associated with childbearing, distinguishing men and women”. It is proved that the main value is the second one. It is directly connected with the metaphysics of sex characteristic of Brodsky’s poetry and with the idea of the sexual act, depersonalizing and incapable of providing psychological and spiritual contact.

Keywords: I.A. Brodsky; homonymy; metaphysics; existential motives; sexual code.

Received: 20.02.2022

Accepted: 10.03.2022

Information about the author: *Andrei M. Ranchin*, DSc in Philology, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1st building of humanitarian faculties, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, GSP-1, 119991, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

For citation: Ranchin, A.M. “Why is there a horror of the floor/sex in the light bulb? To the interpretation of the poem by Joseph Brodsky ‘I sad fate plays a game without a score...’”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 2(56), 2022, pp. 78–88. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.56.05

Предметом истолкования в нижеследующем тексте будут две строки из стихотворения Иосифа Бродского «Я всегда твердил, что судьба – игра...» (1971 [3, т. 2, с. 427–428]). Первая из этих строк: «Я писал, что в лампочке – ужас пола». Каков смысл этого стиха? С одной стороны, можно понять ужас как свойство, «пере-

живание», испытываемое лампочкой, как персонифицирующую метафору. Все просто: лампочка боится упасть на пол, т.е. боится разбиться. Это прочтение, несомненно, верное, однако слишком простое. Какое отношение имеет лампочка к теме стихотворения – отчуждению и одиночеству лирического героя, сидящего «в обществе собственной грузной тени», от прошедшей юности и былого счастья, от тех, кого прежде любил, от «второсортной эпохи»? Искать в лампочке метафорические смыслы, отсылающие к лирическому *я* (способность освещать – свет, огонь поэзии), можно, но это поверхностный семантический план. Еще одно допустимое толкование: так образно сформулирован закон тяготения, символизирующий состояние несвободы. Однако главный смысл высказывания иной. Лексема *пол* в стихотворении строится на омонимии значений “нижнее покрытие, настил в помещении, в доме” и “совокупность признаков, связанных с деторождением, различающих мужчин и женщин”. Если *ужас пола* – это чувство, вызываемое биологическими женскими и мужскими признаками или соитием мужчины и женщины, то лампочка – это источник света, при котором и эти свойства, и акт становятся видимыми, а потому и способны вызвать ужас¹.

Свет лампочки, преображающий комнату, в которой происходит свидание лирического героя и возлюбленной, – мотив стихотворения «Я обнял эти плечи и взглянул...» (1962):

Был в лампочке повышенный накал,
невыгодный для мебели истертой,
и потому диван в углу сверкал
коричневою кожей, словно желтой.
Стол пустовал. Поблескивал паркет.
Темнела печка. В раме запыленной

---

¹ В принадлежащем Говарду Моссу авторизованном переводе стихотворения под названием “I Sit by the Window” строка «Я писал, что в лампочке ужас пола» передана как “I wrote: The bulb looks at the floor in fear” [13, p. 41], т.е. пол трактован как ‘настил в помещении’. Однако сохранить омонимическую игру в английском переводе невозможно в принципе, к тому же для читателей, мало знакомых с поэзией Бродского, присутствие в строке лексемы *sex*, а не *floor* было бы непонятно. О теме пола как сексуального начала в поэзии Бродского см. ниже в тексте.

застыл пейзаж. И лишь один буфет
казался мне тогда одушевленным. (3, т. 1, с. 147)

Этот поэтический текст традиционно признается первым произведением, в котором Бродским был найден собственный взгляд на мир и обретена оригинальная поэтика с отстраненно-рефлектирующим взглядом на себя и мир вещей вокруг². Автор, очевидно, считал 1962 г. переломным и в судьбе, и в творчестве: в самом его начале Бродский познакомился с Мариной Басмановой – главной любовью и адресатом почти всех любовных стихотворений³; характерно, что стихотворениями этого года открывается книга лирики Бродского «Новые стансы к Августе: 1962–1982» (Ann Arbor, 1982).

Можно предположить, что слова о лампочке из «Я всегда твердил, что судьба – игра...» – это аллюзия именно на строки стихотворения «Я обнял эти плечи и взглянул...». Правда, лампочка в нем имеется, а никакого «ужаса пола» не наблюдается. Однако стихотворение 1962 г. – отклик на самое начало романа Бродского и Басмановой, а текст 1971 г. – поэтическое отражение произошедшего разрыва. В более позднем произведении автор словно подвергает текст, написанный девятью годами раньше, своеобразной реинтерпретации.

Соотнесенность *лампочки* со страстью (из контекста следует, что именно эротической) содержится также в написанной в 1961 г. поэме-мистерии «Шествие». В монологе черта (часть вторая, 41-я главка) есть такие слова:

Как фонарики, фонарики ручные,
словно лампочки на уличных витринах,
наши страсти, как страдания ночные,
этой плоти – и пространства поединок. (3, т. 1, с. 132)

Истолкование *ужаса пола* как чувства, связанного с сексуальностью, подтверждается следующей строкой: «Что любовь, как акт, лишена глагола». Семантику этого стиха убедительно

---

² См.: [12, с. 55–56; 5, с. 81; 2, с. 80–81].

³ См.: [9, с. 331].

трактовал Л.В. Лосев: «Это объясняется, видимо, тем, что подавляющее большинство глаголов или глагольных конструкций, имеющих в русской нецензурной речи для этой цели, основаны на метафорах агрессивно-садистического характера – “трахать”, “пилить”, “драть”, “влюпливать”, “кидать палку”, “ставить пистон” и т.п., – тогда как безлюбый секс у Бродского именно техничен, безэмоционален» [7, с. 558]. Однако в поэзии Бродского лексема *глагол* может обозначать не только одну из частей речи, но и, в соответствии с ее значением в церковнославянском языке и в высоком стиле русской классической поэзии, речь, слова как таковые. Случаи употребления Бродским лексемы *глагол* подробно проанализированы Д.Н. Ахапкиным⁴, так что я ограничусь всего тремя примерами: «и, нащупав язык, на манер серафима / переправить глагол» («Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова», 1973/1974(?) – 1983⁵ [3, т. 3; 51]); «Четко вплетался мужской глагол / в шелест платья» («Раньше здесь щебетал щегол...», опубл. 1983 [3, т. 3; 264]⁶); «Горы прячут, как снега, / в цвете собственный глагол» («В горах», 1984 [3, т. 3; 268]).

Любовь как акт, как соитие неопишима не только потому, что для нее нет несомненно приемлемых глаголов, но и потому, что она в этом качестве вообще не может быть отражена в речи. А это уже может быть для поэта, выше всего ценившего Слово и Речь, жившего, по собственному утверждению, «ради речи родной, словесности» («1972 год», 1972 [3, т. 3; 18]), источником метафизического ужаса.

Как заметил Л.В. Лосев, «[о]тношение Бродского к этому сюжету было предопределено его собственной если не трагической, то печальной историей. В 1967 г., когда наступила развязка, он написал маленькое стихотворение “Postscriptum” <...>. Оно начинается так:

⁴ См.: [1].

⁵ Дата уточнена в соответствии с дневниковыми записями Т. Венцловы. См.: [15, р. 123–124]. Цитируемые строки – аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Пророк».

⁶ Между прочим, в этом стихотворении – воспоминании о любовном свидании – тоже упоминается лампочка: «Теперь / пыльная капля на злом гвозде – лампочка Ильича / льется на шашки паркета, где / произошла ничья».

Как жаль, что тем, чем стало для меня
твое существование, не стало
мое существование для тебя.

Любовь в его понимании находится не только за пределами
области сексуальной экономики, транзакций частей тела:

Жизнь есть товар на вынос:
торса, пениса, лба...
(“*Строфы*” <...>)
Но и вне семиозиса:
по мне, уже само движенье губ
существенней, чем правда и неправда:
в движеньи губ гораздо больше жизни,
Чем в том, что эти губы произносят.
(“*Посвящается Ялте*” <...>)

Или: “Я слышу не то, что ты мне говоришь, а голос...”. По
существу, в “Postscriptum’e” заявлено требование эротического
максимализма» [7, с. 233].

Строка «Что зачем вся дева, если есть колено» из стихотво-
рения «Я всегда твердил, что судьба – игра...» означает, очевидно,
не отказ от сексуального контакта, а признание его неполноты,
неспособности быть полноценным соединением с возлюбленной.
Такое толкование подтверждается вариацией этой строки в напи-
санном годом позже стихотворении «Письма римскому другу»:
«Дева тешит до известного предела – / дальше локтя не пойдешь
или колена. / Сколь же радостней прекрасное вне тела: / ни объятье
невозможно, ни измена!» (3, т. 3, с. 10). «Известный предел», по-
видимому, обусловлен не отказом *девы* или ее партнера от соития,
а тем, что эротический акт не способен принести подлинного
удовлетворения и слияния, зато чреват тяжело переживаемой из-
меной.

«Ужас пола» для Бродского не только в неопикуемости (в
«докультурности»), но и в обезличенности, и в напряженно-проти-
воречивом соотношении сексуальности с душевной и духовной
сферами.

Трактовка соития как духовно ущербного, греховного действия, оправдываемого лишь деторождением, отражена в стихотворении «Любовь», написанном в том же году, что и «Я всегда твердил, что судьба – игра...»:

<...> в темноте –
там длится то, что сорвалось при свете.
Мы там женаты, венчаны, мы те
двуспинные чудовища, и дети
лишь оправданье нашей наготы. (3, т. 3, с. 417)

Это высказывание, соответствующее ортодоксальному христианскому взгляду на сексуальные отношения, конечно, отнюдь не является реальным отражением воззрений Бродского и не подтверждается ни его жизнью, ни его произведениями. Выраженная в стихотворении точка зрения относится лишь к некоему условному, воображаемому семантическому пространству (дискурсу) счастливого и нерасторжимо (венчанного) брака. Тем не менее сама возможность такого взгляда по-своему показательна.

Л.В. Лосев указал, что выражение *двуспинные чудовища* – это отсылка к диалогу Платона «Пир»⁷, в котором таким признаком (две спины, они же две груди) наделены исполины андрогины, разделенные Зевсом на две половинки, которые после этого ищут друг друга: «Вот с каких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу»; «Итак, каждый из нас половинка человека, расчлененного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину» (191 d, пер. С.П. Апта [8, с. 100]). Разделенность, которую нельзя преодолеть, – платоновская идея, значимая для Бродского – автора стихотворения «Я всегда твердил, что судьба – игра...».

Невозможность найти подлинное удовлетворение в сексе и обрести вместе со слиянием тел и соединением душ – экзистенциальная тема поэзии Бродского. В стихотворении «Я всегда твер-

---

⁷См.: [7, с. 552, 561]. Д.Н. Ахапкин назвал другой источник этой метафоры – трагедию У. Шекспира «Отелло». См.: [2, с. 179]. Впрочем, шекспировская метафора, видимо, восходит к Платону.

дил, что жизнь – игра...» на нее косвенным образом, по-видимому, указывают следующие две строки: «Что не знал Эвклид, что, сходя на конус, / вещь обретает не ноль, но Хронос». Не будем сейчас рассматривать представление Бродского о Хроносе – абсолютном, или космическом времени, которое может быть отождествлено с вечностью⁸. В поэтической философии Бродского *конус, сходящийся линии* неевклидовой геометрии (геометрии Лобачевского) символизируют ограничивающее пространство, несвободу⁹. Наиболее отчетливо эта идея выражена в стихотворении «Конец прекрасной эпохи» (1969):

Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав,
к сожалению, трудно. Красавице платье задрал,
видишь то, что искал, а не новые дивные дивы.
И не то чтобы здесь Лобачевского твердо блюдут,
но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут –
тут конец перспективы.
(«Конец прекрасной эпохи», 1969 [3, II, с. 311–312])

Л.В. Лосев трактовал метафору *конец перспективы* не только как обозначение экзистенциального тупика и тоталитаризма, но и как обозначение половых признаков женщины и сексуального акта: «“Раздвинутый мир” сначала ограничивается пределами раздвинутых ног, а затем вовсе сходит на нет, как в конце перспективы, в “части женщины”. (Нельзя не отметить мастерское употребление анжамбемана, ритмически выделяющего повтор слова “тут” в финале строфы и таким образом воспроизводящего механический ритм *coitus’а*)» [6, с. 237–238]. Трактовка анжамбемана мне представляется более чем сомнительной и недоказуемой: бесспорно же ритмическое выделение и повтор лексемы *тут* словно обозначают повторяющиеся удары о некую преграду, о стену. «Раздвинутый мир» – метафора, которая совершенно не обязательно описывает, кроме всего прочего, раздвинутые ноги сексуальной партнерши, как предполагает интерпретатор стихотворения.

---

⁸ См. анализ этого мотива Бродского в работах: [10, с. 119–145, 14, р. 101]; интерпретацию этого образа в стихотворении «Я всегда твердил, что судьба – игра...» см. в комментариях Л.В. Лосева [4, с. 555–556].

⁹ См. об этом: [10, 120–140].

Однако такая трактовка хотя и не обязательна, но действительно возможна. Если понимать «сужение» именно в сексуальном плане, то выражение *ужас пола* можно трактовать в том числе и как актуализацию этимологической связи с лексемой *узкий*. Соотнесенность ужаса и узости прослеживается, но вне сексуального контекста, во многих произведениях русских писателей – Пушкина, Достоевского, Блока¹⁰.

«Сексуальный код» у Бродского не самоценен, с его помощью выражены экзистенциальные, метафизические смыслы и инвариантные для его поэзии мотивы одиночества и отчуждения.

Список литературы

1. *Ахапкин Д.Н.* Иосиф Бродский: *глаголы* // Поэтика Иосифа Бродского: сборник научных трудов. Тверь, Тверской гос. ун-т, 2003. С. 28–38.
2. *Ахапкин Д.Н.* Иосиф Бродский и Анна Ахматова. В глухонемой вселенной. М.: Издательство АСТ, 2021. 288 с.
3. *Бродский И.* Сочинения: [в 7 т.] / общ. ред.: Я.А. Гордин; сост.: Г.Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 2001.
4. *Бродский И.* Стихотворения и поэмы / вступит. ст., подгот. текста и примеч. Л.В. Лосева. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Издательство «Вита Нова», 2011. Т. 1. 656 с.
5. *Лакербай Д.* Ранний Бродский: поэтика и судьба. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2000. 162 с.
6. *Лосев Л.В.* Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. 3-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2008. 447[1] с.
7. *Лосев Л.В.* Солженицын и Бродский как соседи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 608 с.
8. *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
9. *Полухина В.П.* (при участии *Л.В. Лосева*). Хронология жизни и творчества И.А. Бродского // *Лосев Л.В.* Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. 3-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 323–424.
10. *Ранчин А.М.* «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 464 с.

---

¹⁰ См.: [11, с. 204, 246].

11. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
12. *Шайтанов И.* Предисловие к знакомству // Литературное обозрение. 1988. № 8. С. 55–62.
13. *Brodsky J.* A Part of Speech: N.Y.: Farrar; Straus, Giroux, 1980. 152 p.
14. *Kudrjavitseva T., Saunders T.* Finding Space for a Winter Eclogue: Joseph Brodsky Eclogue 4 // Russian Literature. 2006. Vol. LIX–1. P. 97–111. DOI: 10/1016/j.ruslit.2006.01.006
15. *Venclova T.* “Lithuanian Nocturne: To Tomas Venclova” // Joseph Brodsky: The Art of a Poem / Ed. by L. Loseff and V. Polukhina. Houdmills; Basingstoke; Hampshire: Macmillan Press; N.Y: St Martin’s Press, 1999. P. 107–149.

References

1. Akhapiin, D.N. “Iosif Brodskii: glagoly” [“Joseph Brodsky: Verbs”]. *Poetika Iosifa Brodskogo: Sbornik nauchnykh trudov.* Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2003, pp. 28–38. (In Russ.)
2. Akhapiin, D.N. *Iosif Brodskii i Anna Akhmatova. V glukhonemoi vselennoi* [Joseph Brodsky and Anna Akhmatova. In a Dumb Universe]. Moscow, Izdatel'stvo AST Publ., 2021, 288 p. (In Russ.)
3. Brodskii, I. *Sochineniya* [Works]: [in 7 vols], eds. Ya.A. Gordin, G.F. Komarov. St Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 2001. (In Russ.)
4. Brodskii, I. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems], ed. L.V. Losev. St Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., Izdatel'stvo “Vita Nova” Publ, vol. 1, 2011, 656 p. (In Russ.)
5. Lakerbai, D. *Rannii Brodskii: poetika i sud'ba* [Early Brodsky. Poetics and Fate]. Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2000, 162 p. (In Russ.)
6. Losev, L.V. *Iosif Brodskii: opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky. The Experience of a Literary Biography]. 3rd ed., revised. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008, 447[1] p. (In Russ.)
7. Losev, L.V. *Solzhenitsyn i Brodskii kak sosedi* [Solzhenitsyn and Brodsky as Neighbors]. St Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2010, 608 p. (In Russ.)
8. Platon. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 4 vols. Moscow, Mysl' Publ., vol. 2, 1993, 528 p. (In Russ.)
9. Polukhina, V.P., (with the participation of Losev, L.V.). *Khronologiya zhizni i tvorchestva I.A. Brodskogo* [Chronology of the life and work of I.A. Brodsky]. Losev, L.V.

- Iosif Brodskii: opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky. *The Experience of a Literary Biography*]. 3rd ed., revised. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008, pp. 323–424. (In Russ.)
10. Ranchin, A.M. “*Na piru Mnemosiny*”. *Interteksty Brodskogo* [“*At the Feast of Mnemosynes*”. *Brodsky's Intertexts*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001, 464 p. (In Russ.)
  11. Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeeticheskogo. Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Studies in the field of mythopoetic Selected works]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa “Progress” – “Kul'tura” Publ., 1995, 624 p. (In Russ.)
  12. Shaitanov, I. “Predislovie k znakomstvu” [“Preface to acquaintance”]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 8, 1988, pp. 55–62. (In Russ.)
  13. Brodsky, J. *A Part of Speech*. New York, Farrar, Straus, Giroux, 1980, 152 p. (In English)
  14. Kudrjavitseva, T., Saunders, T. “Finding Space for a Winter Eclogue: Joseph Brodsky Eclogue 4”. *Russian Literature*, vol. LIX, no. 1, 2006, pp. 97–111. DOI: 10/1016/j.ruslit.2006.01.006 (In English)
  15. Venclova, T. “*Lithuanian Nocturne: To Tomas Venclova*”. *Joseph Brodsky: The Art of a Poem*, ed. by L. Loseff and V. Polukhina. Houdmills; Basingstoke; Hampshire, Macmillan Press; N.Y, St Martin's Press, 1999, pp. 107–149. (In English)